

Вначале был Хаос, и властвовал он над миром, порождая и вновь уничтожая. И не было ему конца, и времени не было, пока Вселенная не обратила к Хаосу взор Абсолюта. И сошлись в поединке свет и тьма, конец и бесконечность, начало и безначалие. И пространство утвердилось, и зародилось время, и длилось это пятьсот тысяч лет. И встали горы, и реки потекли, и океаны омыли землю. И населили мир звери лесные, птицы небесные, рыбы морские и прочие твари. И возобладал Абсолют над Хаосом, и породил первую расу — эльфов, ликом светлых и прекрасных, и наградил их великим волшебством и бессмертием. И возобладал Хаос над Абсолютом, и выплюнул свои порождения — орков, злокозненных и уродливых, и троллей, бессмысленных исполинов. И вновь тянулся поединок, и силы были равны, и еще пятьсот тысяч лет минуло. И появились одна за другой еще три расы: гномы — жители гор, гоблины — жители лесов и болот, и саймары — жители морей. И жили все шесть рас, и плодились, и размножались, и истребляли друг друга в войнах. А над ними витали Хаос и Абсолют. И была порождена последняя, седьмая раса — люди. И иссякли силы Хаоса, и канул он в Бездну, Абсолют же воссоединился со Вселенной.

Такова легенда о сотворении мира. Имя этому юному миру — Амата.

* * *

Как все-таки хорошо быть могущественным волшебником! Повелевать стихиями, плести заклинания, играть тонкими материями, ощущать почтительный страх окружающих.

Если же ты при этом еще и обладаешь воинскими умениями, то всеобщее уважение обеспечено. Боевой маг — звучит гордо.

Ну, а если боевой маг богат и знатен — для него открыты все двери этой страны! Хорошо ехать по улицам родного города на дорогом коне, давая возможность прохожим любоваться тобой, и ловить восхищенные взгляды женщин и завистливые — мужчин. Знать, что каждая девушка только и мечтает, чтобы ты обратил на нее внимание.

Волшебнику хочется доверять, слова, сказанные им, звучат убедительно и весомо. Громкое честное имя открывает любые двери, а богатство, если умело им распорядиться, приносит своему обладателю счастье. А если такой человек еще и недурен собою...

Да, демонски хорошо быть магически образованным, обученным военному искусству, богатым и благородным красавцем!

Но это не обо мне. Грустно признавать, но ни природа, ни родители меня не осчастливили. Так, ничего особенного...

Я уныло изучал свою физиономию в круглом зеркале, которое нашел на столе дядюшки Ге, прикидывая, есть ли у меня шансы добиться расположения Мельды. Слегка перезрелые, но замечательно пышные прелести этой вдовы уже который месяц занимали мое воображение. Главным же достоинством Мельды была ее бездетность в купе с добротным домом и хорошим трактиром, доставшимися в наследство от покойного мужа.

Жениться бы, прикрыть добрым именем вдовы свою безродность, да жить тихо, сытно, спокойно, торговать вином, по вечерам подсчитывать выручку и обнимать драгоценную супругу. Сначала вдовушка вроде бы принимала мои ухаживания и даже позволяла пару раз похлопать ее по толстенькому задку, но потом в ее сердце прочно обосновался пожилой краснолицый мясник с соседней улицы. Конечно, у него большая лавка и, наверное, изрядные накопления в кубышке. А у меня что? Только я сам, да молодость, да пара штанов.

Из зеркала на меня смотрело обрамленное соломенной шевелюрой круглое лицо простолюдина — широкие скулы, крупноватый нос, румянец во всю щеку. Глаза какие-то невыразительные, непонятного серого цвета, а уши и вовсе оттопыренные. Лицо как лицо, таких на улице — каждое второе, пройдешь и не заметишь. Бастард, что тут сказать.

М-да, по всему выходило, что никаких шансов у меня нет...

— Вот ты где!

Спаси меня, Луг милосердный! За размышлениями и не заметил, как на пороге воздвигся дядюшка Ге собственной персоной. А ведь он поручил сделать уборку в кабинете! За метлу хвататься было поздно — милейший дядя успел во всех подробностях разглядеть воспитанника, застывшего перед зеркалом с глупейшим выражением на лице.

«Ну, все: сейчас начнется!» — с грустью подумал я. И работать-то мне лень, и учиться-то не хочу, зря ем свой хлеб. А ведь сколько было говорено: овладевай мастерством, сынок, перенимай опыт! Но нет, неблагодарный мальчишка только и может, что витать в облаках...

Все, что мог сказать мне старый пройдоха, я знал заранее. Только ерунда это! Охота была день и ночь корпеть над книгами, чтобы сдать экзамен и получить гордое звание «маг первой степени». Потом потратить еще лет этак пяток, чтобы подготовиться к экзамену на вторую степень. Это — предел, за который магу-самоучке не перейти. Для третьей степени нужно было оканчивать бакалавриат. Четвертая и пятая присваивались выпускникам университета, а уж шестая, до которой добирались считанные единицы — это магистратура. Магам шестой степени прямая дорога в Совет, управлять страной.

Скажете, неплохая карьера? Возможно, да вот незадача: в университет принимали только отпрысков благородных фамилий. Выходцы из купеческих, мещанских семей и прочая мелочь имели право учиться в бакалавриате. Ну, а бастарду, коим являлся ваш покорный слуга, путь туда был заказан. Так что, по-моему, не имело смысла ломаться из-за первой степени, чтобы потом всю жизнь заниматься дешевым гаданием на картах или составлять микстуры от кашля для свиней где-нибудь в деревне.

Нет уж, покорнейше благодарю! Азы магического ремесла я с грехом пополам освоил под руководством дядюшки, а для торговли контрабандным табаком так и вовсе степень не требовалась. А вот дядя Ге вполне мог бы добраться до третьей степени, благо происходил из почтенной купеческой семьи. Так нет же, не захотел тратить свою жизнь на книж-

ную премудрость! Первая степень у него — обхохочешься просто! На самом-то деле дядя был очень сильным волшебником, такие штуки, как он откалывал, еще не каждому магистру под силу. Просто у него имелась врожденная тяга к незаконной деятельности. Повезло его покойному папаше, что не дожил до наших дней. Впрочем, может, он сейчас в гробу переворачивался, когда его сынок что ни день, то нарушал все мыслимые законы о магии, да и не о магии тоже.

Вот, кстати, зеркало... Что, интересно, старик с ним сотворил? Заговорил на вызов покойников или просто зарядил мощной порчей?

Заметив мой подозрительный взгляд, дядюшка добродушно прогудел:

— Да нет, здесь все чисто. Заклинание вечной красы. Трувисил, купец, для своей дочки заказал. Больно уж она у него страшна! Носатая, волосы жидкие, лицо в прыщах, на губе усы, как у имперского гвардейца. Вот отец и решил: пусть хоть в зеркале хорошенькой побудет.

Заклинание вечной красы? Что-то я, глядя на себя, никакой такой красы не заметил!

— Учиться тебе надо прилежней, сынок, — вздохнул дядя, словно прочитав мои мысли. — Это чары персональные, действуют только на одного человека. Остальные видят обычное отражение.

— Охота была, — привычно отмахнулся я. — Все равно толку никакого.

— Не скажи, Рик. Если ты насчет своего происхождения, так твоей вины в том нет. А судьба иной раз такие повороты делает... сам знаешь, что про Верховного говорят.

О Верховном маге — главе Совета — и вправду ходило множество слухов. Одни говорили, что он эльф-полукровка, другие судачили о его бессмертии, находились и те, кто прозрачно намекал на демоническое происхождение. Но дядя сейчас имел в виду, что Вериллий — волшебник-самоучка, единственный за всю историю страны член Совета магов, который не имел за плечами не только магистратуры, а даже университета. Ну, так на то он и гений. Интересно, задумался я, Верховный действительно такой, каким изображали его на портретах? Больно уж лицо простонародное — нос картошкой, скулы широкие.

— Ступай-ка ты, Рик, отнеси Трувисилу заказ, — бесцеремонно вторгся в мои размышления дядюшка Ге. — Полы потом дOMETEшь. Да не пропадай надолго, сегодня ночью должна прийти «Люсинда», нужно будет забрать кое-что для меня.

С этими словами он взмахнул рукой, и что-то блестящее поплыло ко мне прямо по воздуху. Мастак дядюшка на эффектные фокусы! Я поймал сверкающую вещицу, которая оказалась серебряной монеткой.

— На обратном пути можешь зайти к Мельде, выпить пивка, — милостиво добавил старикан.

Я завернул магическое зеркало в холщовую тряпку, дабы не привлекать внимания зевак, и поспешил прочь, споткнувшись по дороге об дядиного любимца — черного кота по кличке Бродяга. Имя он получил из-за непоседливого характера, благодаря которому частенько пускался в путешествия. Бывало, он отсутствовал по месяцу, затем, когда я уже думал, что зверь бесславно погиб где-нибудь на большой дороге под колесами экипажа или лошадиными копытами, Бродяга как ни в чем не бывало появлялся на пороге дома.

Вид у дядюшкиного питомца был соответствующий: крупный, поджарый, чтобы не сказать тощий, с клочковатой черной шерстью, которая всегда стояла дыбом, и которую кот никогда и никому не позволял расчесывать. Одно ухо Бродяги было разорвано, морду пересекали боевые шрамы. Замечательно желтые глаза горели в темноте, как два ведьминых огня. Кот имел малоприятную привычку по-среди ночи пробираться в мою комнату и устраиваться на ночлег у меня на груди, заставляя просыпаться от удущья. Еще он любил вскочить на стол во время обеда и сунуть нос в мою тарелку.

Никакие наказания и угрозы на него не действовали — Бродяга продолжал жить по собственным правилам. В общем, он был котом во всех отношениях малопочтенным, но дядюшка почему-то в нем души не чаял.

Украдкой погрозив зверюге кулаком, я вышел из дома и отправился в Торговый квартал. Путь предстоял неблизкий, следовало пересечь улицу Старьевщиков, на которой находился дом дядюшки Ге, выйти на Кольцевую дорогу,

а там дожидаться наемную карету, следующую в Восточный луч.

Приходилось поторапливаться, время близилось к полудню, а я еще не доделал работу по дому. Ночью же кровь из носу следовало явиться в порт, капитан «Люсинды» не любил, когда задерживали отгрузку контрабандного товара. За контрабанду в Галатоне без долгих проволочек отправляли в тюрьму. Но это бы еще полбеды — живут люди и там, правда, выживают не все. А вот за одну штучку, которая пряталась среди табака, тканей и специй, полагалось четвертование. Это если повезет. А если судья был не в духе, то и колесование.

Итак, я бодро шагал по улице Старьевщиков, радовался солнечному летнему деньку, и предвкушал, как пропью серебрянный филлинг в трактире милейшей Мельды. Идти по дороге не хотелось — пыльно, да и долго это. Я решил срезать путь и запетлял между домами. Вообще-то, любому человеку, оказавшемуся в Портовом квартале на улице Старьевщиков, я бы так поступать не советовал. Неразумно это — можно нарваться на развеселых моряков, которых у нас имеется в избытке. А уж если вы этим ребятам не понравитесь, я за вашу жизнь не дам и медного гента.

Кроме матросов, пропивавших в местных трактирах просоленные потом и морской воды паунсы и филлинги, в Портовом квартале имелись и другие лихие люди. Коренные жители, например. Этим тоже палец в рот не клади. Если моряки дрались просто так, из любви к искусству и от широты души, то местные норовили пощипать прохожего за кошелек. Не все, конечно. Я, например, никогда себе такого не позволял. Но все же, повторюсь, если вы человек приличный и небедный, вам не стоит ходить по улицам Портового квартала без надежной охраны или хотя бы доброго оружия.

На помощь городской стражи рассчитывать не стоило: синие мундиры и сами побаивались сюда заходить. Конечно, если вы могущественный маг и уверены в своих волшебных силах, то добро пожаловать на наши живописные улицы, вдыхать аромат рыбной требухи и немых тел! Но помните: на каждого мага довольно простоты.

Я-то ходил по родному кварталу безо всякого страха: я вырос здесь, и меня знал каждый босьяк. Отношения с лиходеями у меня были дружеские. Конечно, несколько раз

случались неприятные стычки, но, отведав моего кулака и пару-тройку простеньких заклятий, местные решили оставить меня в покое.

Конечно, жили в Портовом квартале и люди вполне порядочные — дядюшка Ге, например, или та же трактирщица Мельда. Но богатыми их никак не назвать. К тому же улица Старьевщиков, на которой стояли дома этих самых благонравных горожан, находилась в самом начале квартала, почти на выезде из него. А вот забредать вглубь, на ту же улицу Блудниц, или в тупик Голодных псов, никому не советую. Разденут, разуют, отберут все, что при вас имеется, а потом будете благословлять всех богов Аматы за то, что сохранили вам жизнь.

Я выбрался из переулков Портового квартала и зашагал к центральной дороге, мечтая, чтобы пролетка, следующая в Торговый квартал, подошла сразу. Странно все-таки устроен наш городок.

* * *

— Все готово?

— Да, ва...

— *Тише, никаких имен и титулов! Не забывай, что ты-то не владеешь мыслеречью! Кайлар о чем-нибудь догадывается?*

— Нет, работает вслепую.

— Хорошо. Позаботься о нем.

— Наши люди подстрахуют.

— Ты понимаешь, что отвечаешь головой за успех предприятия?

— Да...

* * *

Если орлу, что парит в небе над Виндором, вдруг взбрела бы в его птичью голову странная идея разглядеть город повнимательней, он увидел бы огромную четырехлучевую звезду, ограниченную крепостными стенами. Лучи направлены строго на четыре стороны света. Кто придумал такое? Дальний предок нашего императора.

Пятьсот лет назад Ридриг Первый, которого прозвали Просвещенным, решил перенести столицу из древнего Лендсона в небольшой торговый городок Виндор. Зачем ему это понадобилось — один Лут ведает. Может, хотел прославиться в веках, а может, решил начать историю своей династии с чистого листа, в новой столице — кто его знает? Известно одно: Ридриг Первый был королем неплохим, в меру милостивым и в меру справедливым, и народ во времена его правления восставал всего два раза. Именно Ридриг Первый превратил Галатон, бывший в то время небольшой страной, в огромную могущественную империю, присоединив к ней земли баронств, пяти герцогств и отвоевав у Паргании многочисленные колонии Южного континента.

Но монарх был одержим идеей построения просвещенной империи, все подданные которой будут равны между собой. Формально, разумеется. То есть ни сословия, ни разделение на богатых и бедных он, конечно, отменять не собирался, но хотел узаконить равные возможности для всех галатцев. Именно это и должен был символизировать заново отстроенный Виндор: единство и равноправие науки, ремесел, торговли и, конечно, морского дела, которым кормилась добрая половина горожан.

Четыре луча звезды одинаковы по величине. В Северном луче расположены кварталы ремесленников, Восточный отдан торговцам под лавки. В Южном обосновалась наука — там находились университет, городская библиотека, а также жили почти все практикующие маги. Ну, а Западный луч острием упирался прямо в порт. В центре Виндора находились императорский дворец, шпиль которого был виден из любой точки города, дома знати, а также величественное, затмевавшее красотой даже резиденцию монарха, здание Совета магов. Все это великолепие было заключено в идеально круглое кольцо дороги, от которой четырьмя ровными полотнами тянулись пути в каждый из лучей.

Мне предстояло отправиться в Восточный луч, он же Торговый квартал. Когда я вышел к Кольцевой дороге, солнце жарило вовсю. На пяточке, около которого останавливались пролетки, народу было немного, и я надеялся влезть в первый же экипаж. Рядом со мной на большой плетеной корзине восседала грузная тетка. Этой явно было со мной

по пути — наверняка везла в лавку зелень или, может быть, какое-нибудь рукоделие. В паре шагов от нее с покаянным видом переминался с ноги на ногу прыщавый юнец в одежде бакалавра. Понятно: мальчишка загулял с какой-нибудь смазливой блудницей, злоупотребил кислым дешевым вином из Солнечного края и проспал занятия. Теперь вот спешил в Южный луч, по пути придумывая для себя достоверное оправдание.

А вон тот коренастый мужчина с суровым лицом, скорее всего, направлялся в Ремесленный квартал. Две милостивые, но отнюдь не благодетельные девицы в слишком откровенных для дневной прогулки платьях, должно быть, ехали туда же, куда и я. Жрицы Неи хорошо заработали ночью, а теперь решили истратить денежки на милые женскому сердцу мелочи в лавках парфюмеров, башмачников и торговцев одеждой.

Так я от нечего делать оглядывал людей, пытаюсь угадать, куда и зачем они направлялись. Все какое-то развлечение. Только об одном человеке я не мог предположить ничего определенного — о худощавом мужчине в серой, незаметной одежде. И сам он был какой-то серый и незаметный. Русые волосы, блеклые глаза, невыразительное лицо. Такого увидишь и сразу же забудешь, а потом даже не сможешь его описать. И возраст его я определить не смог: с одинаковым успехом ему могло быть и тридцать, и пятьдесят. Держался он особняком, стоял в стороне от остальных, старательно отворачиваясь, и, казалось, немного нервничал. Сплета руки с тонкими длинными пальцами в замок, худощавый выжидательно смотрел на дорогу.

Вскоре подкатила шестиместная пролетка, кучер лихо натянул вожжи и остановился. На передней стенке поблескивала большая медная бляха с чеканным изображением перекрещенных молота и шила — герба Гильдии ремесленников. Коренастый кузнец отер пот со лба и полез в экипаж, шепотом благословляя труженика Дадду. Щелкнул кнут — и счастливцев отбыл в родной Северный луч.

Следом остановилась еще одна пролетка, на сияющей начищенной бляхе которой красовались звезда, раскрытая книга и лежащий поперек нее жезл — символы Гильдии магов. Прыщавый мальчишка засуетился, подобрал полы